

Татьяна Кайзер

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Кто из нас не познал чувство дружбы с обязательными взаимностью, доверием и терпением? Это – то благо, которое позволяет в полноте ощутить счастье, ведь в основе дружбы лежат безусловная любовь и самоотдача. Разными путями приходим к постижению этого чувства. Согласитесь, для многих таким явившим это чудо отношений был преданный четырехлапый друг.

В моем детстве были собаки Рыжик и Найда. Дворягу Рыжика привела с улицы. Но он недолго гостевал, видно, был в душе бродяга. Пару дней сытой ухоженной жизни хватило ему, чтобы потом вновь удариться в бега.

А полуовчарку Найду встретила на школьном дворе, спасавшуюся от мальчишек, кидавших в нее камнями. Упросила маму взять ее. Подлечили, и она стала членом нашей семьи почти на десятилетие. До сих пор глядя на внука, уклоняющегося от навязываемой ему еды, вспоминаю, как Найда помогала мне исполнять мамины наказания: съесть суп или кашу. Я тайком ставила перед четвероногой подружкой посуду и забирала, когда она была чисто вылизана.

Собака росла вместе со мной, правда, по собачьим меркам раньше став взрослой. Когда у нее начался период любви, начались всякие происшествия. Она могла запросто перемахнуть через ограду нашего двора на улицу и гонять там в свое удовольствие. Иногда доходило до курьезов. Мимо дома обычно бегала ребяшня в туркменскую школу неподалеку. Однажды Найде захотелось поиграть, и она помчалась за мальчиком, догнав, потянула его за штаны. Он, конечно, испугался, выскользнул из шаровар и убежал... без штанов. И смех и грех! Она-то бежала за ним дальше, чтобы отдать их. Осознав, что нашкодила, оставила трофей у дверей школы и виновато легла поодаль, спрятав нос лапами.

В другой раз к нам во двор перемахнул через забор чужой пес. Как он умудрился проделать это при его невзрачном росте, не по-

нятно. Наша красавица принимала его ухаживания, когда я вскрикнула, неожиданно обнаружив этого невзрачного дворнягу. Тут впервые увидела я женское коварство. Найда, услышав разочарование в моем возгласе, моментально схватила его за живот и начала трепать. Пес, не ожидавший такого вероломства, опешил, стал вырываться, но, освободившись, не мог перепрыгнуть забор, как ни пытался. Пришлось ему открыть калитку. Найда с довольной мордой подлизывалась ко мне, лезла под руку, чтобы ее погладила. А мне было жалко ее незадачливого поклонника.

Очень непростое расставание с Найдой пришлось пережить, когда мы получили квартиру и переехали в новый на ту пору микрорайон, на противоположном конце города. Небольшая квартира на третьем этаже никак не предполагала возможность присутствия собаки, даже многолетнего члена семьи. С помощью старой доброй соседки все же нашли достаточно неплохое решение: устроили Найду в Службу охраны на городском мясокомбинате. Первое время я еще ходила вдоль забора комбината и прислушивалась к собачьему лаю. Как мне казалось, слышала голос нашей Найды и разговаривала с ней, просто называя ее ласковыми именами. Со временем новая школа, летние каникулы заслонили поиски общения с нашей собакой. И остались в душе заноза и твердое убеждение: никогда больше не впускать в свою жизнь другой собаки.

Шли годы. Уже подрастала дочь. Появление щенка овчарки в нашей семье не было неожиданным – таково было общее желание. Когда мы приехали выбирать щенка, это оказалось нелегкой задачей. Трудно было сделать выбор среди компании милых очаровательных малышей, тыкающих носами в ладони, забавно фыркающих и поскуливающих. Один из них так внимательно уставился на меня, что просто завораживал. Собственно, он все и решил за нас. Так что следующего взять в руки уже не довелось.

Был март. Я пристроила его у себя на груди под вязанной толстой кофтой, и мы поехали домой. Радостное возбуждение владело всеми, кроме бабушки, даже больше того – она отнеслась с неприязнью к нашему гостю, так как еще не забыла свою бывшую люби-

мую кошку. А щенка пугало все: и пространство нового жилья, и наши радостные возгласы. В углу огромного коридора на устроенную ему лежанку положили плюшевого утенка, надолго потом составившего компанию. Скулеж до полуночи, видно, и самого малыша утомил, и после всех таких новых потрясений он все же устал и уснул. А наутро мы увидели уже подружившихся бабушку и щенка, уморительно шлепавшего за нею по квартире. Кошка еще оставалась в памяти бабушкиного сердца, но Мартин (а назвали мы его по имени месяца его рождения) уже прочно занял место ее любимца. И очень скоро он стал соперником и дочери, и другим домашним, так как забирал много внимания.

На ту пору «социальных постсоветских катаклизмов» проблема с дефицитом продовольствия еще не ослабла, потому помню, как покупали килограммами мойву или сардины, очищали от внутренностей и кормили Мартина. Праздником было, когда удавалось доставать какие-то суповые наборы из костей.

Подраставшего Мартина начали выводить на прогулки в сквер у дома. Вывозили за город. Однако приучить его терпеть до выгула не удавалось, потому часто приходилось обходить его лужи и «мины». За шалости ему доставалось тапкой, но он это, скорей, воспринимал как проформу, потому как ничуть не менял своего поведения.

До чего он был забавный. Принял за вожака поначалу дочь. Сразу выполнял ее команды, мои же мог и мимо ушей пропустить. Однако по мере взросления авторитет вожака начал подвергаться осмыслению. Он уже не чувствовал себя самым маленьким в доме. Мог лаем не соглашаться с дочерью. Появлялись личные пристрастия. Очень скоро Мартин вожакom признал супруга, тем более что тот был еще и «вожаком» машины. Но, пожалуй, главенство хозяина пес признал еще раньше, когда тот почти напугал ошарашенного Мартина, войдя в квартиру с огромным арбузом на поднятой ладони. Такого монстра о двух головах наш подросток еще не видел. Как оказалось, страх этот записался в нем, позже подтвердившись страхом перед крупнорогатыми животными.

Наступило лето. Каникулы. Отпуск. Мы с мужем и дочерью улетели подальше от туркменской жары. Позвонив домой, услышали бабушкины всхлипывания. Оказалось, что, после нашего выхода из дома, Мартин лег у двери и не уходил. Ни ел, ни пил. Просто лежал и скулил. Припасенные для него косточки, мясо так и оставались невостребованными. Бабушка с плачем пыталась что-нибудь затолкать в него. Когда связались по телефону с владелицей щенков, она надоумила: искупать щенка, завернуть в хозяйкин халат и положить на хозяйкину кровать. После такой процедуры Мартусь воспрянул, аппетит вернулся. И дальше они уже спокойно дожидались нашего возвращения из отпуска. С тех пор кровать, как и диван, стали излюбленными местами отдыха для нашего баловня.

Он быстро рос. Плюшевого утенка, своего приятеля по лежанке, замусолил до такой степени, что пришлось избавиться от него. Нервно искал его, но скоро забыл.

На прогулках и бабушка, и дочь еще справлялись с ним и его поводком, но пес уже пробовал силы. Попытка научить его собачьей науке успехом не увенчалась. Посещение требуемых собачьим клубом мероприятий ничего не дало: на тренажеры Мартина просто сложно было затащить, команды выполнял не всегда охотно, а иногда и вообще игнорировал. Клубные занятия у него вызывали неуверенность и страх. Элементарно трусил на брусике, на лестницах. В общем, спорт ему не пришелся по душе, как и наука. Так что послушного дрессировке Мартина сделать не удалось, потому как его воспитанием занимался каждый понемногу. Зато с каким удовольствием были поездки с ним на природу, в горы, в пески, на озеро. Для Мартина раздолье. Стремглав носился по холмам. В горном ущелье с разбегу влетел в речушку. Для самого было неожиданное потрясение от быстрой и холодной воды.

До поры все поездки заканчивались малоприятной дополнительной чисткой машины, потому что Мартина, как ребенка, укачивало. Но очень скоро это прошло.

Пес любил располагаться за плечом хозяина, на заднем сиденье машины, высовывая морду в окно водителя. До сих пор помню, как трепетали его брыли то ли от ветра, то ли от наслаждения, а он

жмурил глаза от удовольствия. Ну и что, что сладостная слюна капала хозяину за воротник...

Для Мартина машина была не просто слабость, а символ свободы, вольной жизни. Другим самым любимым его делом было, когда не гонял по холмам, разгрызать в щепу любые ветки, палки, дерево.

Нюх и слух поразительно развились. Особенно это касалось сладостей – тут Мартусь был виртуозен. Стоило ему где-то за тройкой закрытых дверей услышать шелест разворачиваемой обертки от конфеты, тотчас стремглав летел в другой конец квартиры, мог протиснуться в едва прикрытую дверь или же попросту просунуть лапу и открыть.

Были и слова, даже шепот которых он улавливал молниеносно – машина, поездка, улица, поводок и глаголы: ехать, гулять, прокатиться. Мартусь тут же вылетал на веранду, становился передними лапами на подоконник и, вибрируя от нетерпения, высматривал с третьего этажа стоящую внизу машину.

Вожак, хозяин – это, безусловно, авторитет! Но хозяйка – это душа дома. С нею рядом тепло, уютно и сытно, и явное ощущение любви. Мама есть мама. Меня, конечно, Мартин слушался, может, побаивался, но продолжал делать то, за что его наказывала тапкой или полотенцем. С подростком баловнем бабушка уже не могла справляться на прогулках. Он уже достаточно сильно рвался с поводка. Дочь тоже не справлялась. Так что выгуливать стали я и супруг, потом уже чаще только хозяин.

В дом наш охранник, конечно, никого не пускал. Если кому случалось приходиться, мы запирали Мартина либо в туалет, либо в ванну, где он шумно проявлял свое неудовольствие.

На ту пору мы уже подали документы в посольство на выезд из страны. Предполагалось, что, конечно же, не оставим родного пса. Неожиданно заболела бабушка и очень скоро ее не стало. Потрясение сказалось и на Мартине. Покорно высиживал взаперти в ванной, так как приходило много людей. Со временем он уже кого-то узнавал, не рычал и даже радостно лаял. Мог уже находиться в комнате вместе с гостями, держась в стороне.

Летом случилось непредвиденное. Главный в собачьей жизни проступок Мартин совершил на прогулке со мной. Поздно вечером, в благословенное время отступления изнурительной жары, гуляли с Мартином в сквере возле цирка. Вдалеке народу было очень мало, и я спустила его с поводка. И тут вдруг он увидел бегущего мальчишку. Видимо, сработал инстинкт охотничий: Мартин рванулся вдогонку. опередить его я не успела. Ребенок с плачем скрылся, Мартин же по команде возвратился ко мне. Прогулка была испорчена. Мы возвратились домой. Через час-полтора пришла родительница мальчишки и сказала, что Мартин укусил его. Шок! Наутро мы повезли Мартина в ветлечебницу на обследование. Бешенство не подтвердилось, но его забрали на пару дней на карантин. Когда увидела его запертого в клетку, оглушенного лающими собаками и дико орущими кошками в соседних клетках, поняла, в каком стрессе находился Мартин. Мне казалось, он осознавал, что наказан за проступок, но сила наказания, вырвавшая его от нас, была недоступна его пониманию – он скулил, закрыв морду лапами.

За эти дни были визиты к пострадавшему мальчику, нелегкие разговоры с его родителями. Рана была не столь большая, сколько эмоциональный стресс. Слава богу! Все обошлось малыми средствами: нервами, психологической помощью, деньгами.

Когда забирали Мартина из заключения, пережили еще один шок. Бедный затворник от носа до хвоста был усеян черными шевелящимися точками – клещами. В глазах слезы, ужас, недоумение. Не заезжая домой, повезли его в пески неподалеку от озера. Там долго очищали его керосином и шампунем. Потрясенного пса привезли домой. Это был урок. Для всех. И надо согласиться, это не украсило его характер. Признавал только тех, кто ему нравился, что доставляло много хлопот во время чьих-нибудь посещений. Потом мы познакомились с милой доброй женщиной. Она и ее сын стали частыми гостями у нас в доме. Мартин привык к ним и полюбил.

Обстоятельства складывались так, что мы стали собираться в дальнюю дорогу. Мартина с собой взять не предоставлялось воз-

возможности, но оставалась надежда, что потом сможем его забрать. Наша знакомая героически согласилась приютить Мартина у себя в городке неподалеку. Чего стоило ей это решение! Ведь она жила с сыновьями в 3-х комнатной квартире на втором этаже трехэтажного дома.

За неделю до отъезда мы с Мартином приехали к ним. Я оставалась переночевать. Мартин словно чувствовал предстоящую разлуку, не отходил от меня. То, что я привезла его, а потом уехала, оставила его у других, он запомнил как мое предательство. Оно так и осталось занозой в душе. Как я молила, чтобы достойно разрешилась эта тупиковая ситуация с любимой собакой. Ведь уже поняла, что в этой нашей новой жизни вольнолюбивому Мартину просто нет места. А оставаться у знакомой в квартире он тоже не мог. Он рос, мужал. Природа гнала на свободу из дома. Какими-то невероятными усилиями пес пару раз протискивался через прутья решетки и прыгал с веранды, убегал. А когда возвращался, то ложился у порога квартиры, блокируя проход соседям с верхнего этажа.

Все-таки вымолилась помощь в решении этой трудной непосильной для нас задачи. Давняя знакомая нашей приятельницы, давно мечтавшая о собаке-овчарке, влюбилась в Мартина с первого взгляда. У них с мужем было большое хозяйство, свой дом. Они были бездетны. Мартин стал членом их семьи, баловнем. У них уже была другая собака, но обитавшая только во дворе. Правда, интересный случай. Раз в году в новогоднюю ночь эта дворняжка переступала порог дома, подходила к столу, получала лакомство и уходила обратно. В другое время ее нельзя было даже заманить чем-то в дом.

Мартин же жил «в комнатах», валялся на коврах, любимчику многое позволялось. И он был свободен – носился по окрестным холмам, по двору, разгоняя кур, покусывая филейные части свинкам и поросятам. Так что хозяйке приходилось бегать за ними всеми с ваткой и йодом. Она же рассказала мне, каким потрясением было для Мартина увидеть в поле пасшуюся корову, этакого монстра с рогами...

Спустя два года после нашего отъезда, ситуация дала мне возможность навестить родные места и, конечно же, Мартина. Не забуду его шок от моего появления. Поначалу обычная реакция собаки на приход в дом чужих. В секунду, как только он признал меня – дал деру, но потом вернулся. В растерянности, недоумении пыталась приласкать его, но он рычал, и я побоялась (!) дотронуться до него. А так хотелось обнять его, прижаться, поцеловать в нос, потрепать за ушами и загривок, как он любил. Подарки для него воспринял не иначе, как заискивание перед ним, почти равнодушно. Только когда хозяин дома стал играть с ним привезенными игрушками, пес принял их. За весь мой визит Мартусь так и не приблизился ко мне, держался от меня на расстоянии вытянутой руки. Ком стоял в горле. Радовало, конечно, как любили его новые хозяева, с какой теплотой, радостью рассказывали они мне о его шалостях, выходках. Дворовая собака родила от него щенят, Мартусь был папашей!

Когда стали прощаться, Мартин вдруг заметался по комнатам, выскакивал во двор, прятался, с лаем возвращался. Никто не мог понять, в чем дело. Окрики, команды не действовали. Но я поняла: он испугался. Испугался, что как некогда своим решением, авторитетом и силой увезла его из родного дома в чужой и оставила его там, так могла и сейчас просто забрать его с собой. Ведь он любил и все еще слушался! Я также отметила, как поначалу его нынешняя хозяйка тоже была напряжена и не понимала, чего ждать от моего визита.

Мою растерянность и боль Мартин почувствовал, подскочил ко мне, на миг прижавшись, но потом отпрыгнул, громко лая. Я на ватных ногах удалялась от ограды, где он, застыв, просунув морду в щель между узорами калитки, провожал меня – то лаем, то поскуливанием.

В машине я уже не могла сдерживать слезы. Остро ощутила свое предательство, след которого и прежде саднил где-то под сердцем, а сейчас сконцентрированной болью мешал набрать в легкие воздух сквозь застрявший в горле комок слез.

– Боже мой! Прости меня! Прости за сотворенное зло! И спасибо за урок предательства.

Дорога разматывалась лентой, на которой так и оставался узел нерешенной, возможно, кармической задачи, оставляя близкую любимую душу где-то за моим пространством жизни.

Долгие годы я еще пыталась разузнать что-нибудь о судьбе Мартуся. Его новая семья уехала из Туркмении куда-то в Сибирь, распродав все свое хозяйство, но Мартина забрала с собой.

Связи с ними так и не случилось.

Не знаю, жив ли еще Мартусь. Собачий век не так уж долгод. Но любовь в душе к нему осталась и временами очень горчит слезами. Я не исполнила долга перед очень близким другом. Оттолкнула. Бросила. И только сохраняю ему верность... и ни одного пса не впускаю в свою жизнь. Остается утешение: может, где-то в следующей жизни, вновь встретившись, смогу окружить друга своей любовью, освободить его память от предательства.

Друзья и есть то благо, которым должен обладать счастливый человек.